

Исаак Башевис
ЗИНГЕР

ШОША

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
3 63

Isaak Bashevis Singer
SHOSHA
Copyright © Isaac Bashevis Singer, 1978
All rights reserved

Перевод с английского Нины Брумберг

Оформление обложки и иллюстрация на обложке
Вадима Пожидаева-мл.

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-26749-7

© Н. Р. Брумберг (наследник), перевод, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Иностранка®

Глава первая

1

С детства знал я три мертвых языка: древне-еврейский, арамейский и идиш (последний некоторые вообще не считают языком) — и воспитывался на культуре еврейского Вавилона — на Талмуде. Хедер¹, где я учился, был просто комнатой, в которой ели и спали, а жена учителя готовила еду. Меня не учили арифметике, географии, истории, физике или химии, но зато объясняли, как поступить с яйцом, если оно снесено в субботу, и как следует совершать жертвоприношение в храме, разрушенном два тысячелетия тому назад. Предки мои поселились в Польше за шесть или семь столетий до моего рождения, однако по-польски я знал лишь несколько слов. Мы жили в Варшаве на Крохмальной улице. Этот район Варшавы можно было бы назвать еврейским гетто, хотя на самом деле евреи той части Польши, которая отошла к России, могли жить где угодно. Я представлял собой анахронизм во всех отношениях, но не знал этого, как не знал и того, что моя дружба

¹ *Хедер* — еврейская религиозная начальная школа. — *Здесь и далее примеч. ред.*

с Шошей, дочерью нашей соседки Баси, была чем-то вроде влюбленности. Влюбляться, любить можно было молодым людям, которые позволяют себе курить в субботу, девушкам, которые носят открытые блузки с короткими рукавами. Все эти глупости не для восьмилетнего мальчика из хасидской семьи¹.

Однако меня тянуло к Шоше, и я сбегал из наших комнат и несся к Басе, минуя темные сени, очень часто — так часто, как только мог. Шоша моя ровесница. Но я был вундеркинд, знал многие тексты Мишны и Гемары² наизусть, мог одинаково хорошо читать на идиш и на древнееврейском, начинал задумываться о Боге, о Провидении, времени и пространстве, о бесконечности. А на Шошу в нашем доме смотрели как на маленькую дурочку. В девять лет ее можно было принять за шестилетнюю. Родители отдали ее в городскую школу, и она сидела по два года в каждом классе. Светлые волосы Шоши, когда она не заплетала косички, рассыпались по плечам. У нее были голубые глаза, прямой носик, стройная шея. Она походила на мать, а та в юности слыла красавицей. Сестра ее Ипе — моложе Шоши на два года — была темноволосой, как отец. В левой ноге

¹ *Хасидизм* — религиозное течение в иудаизме, разделяется на многочисленные группы, которые получили свое название, как правило, по месту основания или по имени духовного главы — ребе.

² *Мишна* — древнееврейский сборник законов; окончательная редакция создана в III–VI веках н. э. *Гемара* — комментарий к Мишне.

у нее была спица, и она хромала. Тайбеле, самая младшая, была еще совсем крошкой, когда я начал ходить в дом к Басе. Ее только-только отняли от груди, и она все время спала в своей колыбельке.

Однажды Шоша пришла из школы в слезах: учительница прогнала ее и прислала с ней письмо. В письме говорилось, что этой девочке не место в школе. Шоша принесла домой пенал с карандашами и ручками и еще две книжки, польскую и русскую. Это были учебники. Шоша не научилась читать по-русски, но по-польски все же читала по складам. В польском учебнике были картинки: сцена охоты, корова, петух, кошка, собака, заяц; мать-аистиха, которая кормит вылупившегося птенца. Несколько стихотворений из этой книжки Шоша знала наизусть.

Зелиг, ее отец, служил в обувной лавке. Из дома он уходил рано утром и приходил только поздно вечером. У него была черная окладистая борода, и хасиды в нашем доме поговаривали, что он подстригает ее — нарушение, недопустимое для хасида. Он носил короткий пиджак, крахмальный воротничок, галстук, шевровые ботинки на каучуковой подошве. По субботам Зелиг ходил в синагогу, которую посещали большей частью лавочники да рабочий люд.

Хотя Бася и носила парик, она не брила голову, как моя мать, жена реб Менахем-Мендла Грейдингера. Мать часто внушала мне, что негоже сыну раввина, изучающему Гемару, водить компанию с девочкой, да еще из такой простой семьи. Она пре-

достерегала, чтобы я никогда ничего не ел у Баси: вдруг та накормит меня мясом, которое окажется не строго кошерным. Предками Грейдингеров были раввины, авторы священных книг, и не в одном поколении. А у Баси отец был меховщик, да и Зелиг служил в русской армии до женитьбы. Мальчишки с нашего двора дразнили Шошу. Она даже на идиш говорила с ошибками. Шоша начинала фразу и редко когда могла закончить ее. Если ее посылали за покупками в бакалейную лавку, теряла деньги. Соседи говорили Басе, что надо показать Шошу доктору: похоже, что мозги ее не развиваются. Но у Баси не было ни времени, ни денег на докторов. Да и что могли сделать доктора? Бася и сама была наивна, как дитя. Михель-сапожник сказал как-то, что Басю можно убедить в чем угодно: например, что она беременна кошкой или что корова взлетела на крышу и снесла там золотое яйцо.

Как отличались комнаты Баси от наших! У нас почти не было мебели. От пола до потолка вдоль стен стояли книги. Игрушек у меня и Мойше, моего брата, совсем не было. Мы играли отцовскими книгами, сломанными перьями, пустыми пузырьками из-под чернил, обрывками бумаги. В большой комнате — ни дивана, ни мягких стульев, ни комода. Только кивот для свитков Торы, длинный стол, скамьи. Здесь по субботам молились. Отец весь день проводил, стоя перед кафедрой, смотрел в толстую книгу, что лежала раскрытой на стопке других. Он писал комментарии, пытаясь разобраться в проти-

воречиях, которые один автор находил в работах другого. Невысокий, с рыжей бородой и голубыми глазами, отец всегда курил длинную трубку. С тех самых пор, как я себя помню, вижу отца повторяющим одну фразу: «Это запрещено». Все, что мне хотелось делать, было нарушением. Мне не позволяли рисовать людей — это нарушало вторую заповедь. Нельзя было пожаловаться на кого-то — это означало злословить. Нельзя подшутить над кем-нибудь — это издевательство. Нельзя сочинить сказку — такое называлось ложью.

По субботам нам не позволяли прикасаться к подсвечникам, монетам и другим интересным для нас вещам. Отец постоянно напоминал нам, что этот мир — юдоль плача, путь к загробной жизни. Человек должен читать Тору, совершать подвиги добродетели. А награды за это следует ожидать на том свете. Он часто говаривал: «Долго ли живет человек? Не успеешь оглядеться вокруг, как все уже кончено. Когда человек грешит, грехи его превращаются в чертей, демонов и прочую нечисть. После смерти они находят тело и волокут его в дикие дебри или в пустыню, куда не приходят ни люди, ни звери».

Мать сердилась на отца за такие разговоры, но и сама частенько любила порассуждать о том же. Худая, со впалыми щеками, большими серыми глазами, резко очерченным носом — такой помню я свою мать. Она часто задумывалась, и тогда взгляд ее был и суров, и печален: к тому времени как я родился, мои родители потеряли уже троих детей.

А у Баси еще прежде, чем я успевал открыть дверь, было слышно, что там что-то жарят или пекут. Блестели медные кастрюли, чугунки и сковородки, стояли красивые тарелки, ступка с пестиком, кофейная мельница, какие-то картинки, разные безделушки. У детей была корзинка, а там куклы, мячи, цветные карандаши, краски. На кроватях — красивые покрывала, на диване — подушки с вышивкой.

Ипе и Тайбеле были значительно младше меня, но Шоша и я — одного возраста. Мы не ходили играть во двор, потому что там верховодили хулиганы. Они обижали всех, кто послабее. Меня выбрали еще и потому, что я был сыном раввина, ходил в длинном лапсердаке¹ и бархатной ермолке. Придумывали мне клички: Раввинчик, Клоунские Штаны и разные другие. Если услышат, что говорю с Шошей, то передразнивают и обзывают: «маменькин сынок». Надо мной потешались и из-за моей внешности: за то, что у меня рыжие волосы, голубые глаза и необычайно белая кожа. Иногда в мою сторону летело что-нибудь: булжик, чурка или ком грязи. А то еще кто-нибудь ставил подножку, да так, что я летел в сточную канаву. Или могли натравить на меня собаку часовщика: знали, что я ее боюсь.

У Баси же никто меня не обижал. Бывало, только я приду к ним, Бася ставит передо мной тарелку борща или овсяной каши либо угощает печеньем.

¹ *Лапсердак* — деталь одежды верующих евреев, долгополый мужской сюртук.

Шоша достает из своей корзинки с игрушками кукол, кукольную посуду, одежду для кукол, блестящие пуговицы, лоскутки. Мы играли в жмурки, в прятки, в «мужа и жену». Я изображал, будто ухожу в синагогу, а когда возвращаюсь, Шоша готовит мне еду. Один раз я играл слепого, и Шоша позволила мне дотронуться до ее лба, щек и губ. Она поцеловала мою ладонь и сказала: «Не говори только мамеле».

Я пересказывал Шоше истории, которые прочел или услышал от отца с матерью, позволяя себе всячески приукрашивать их. Я рассказывал ей о дремучих лесах Сибири, о мексиканских разбойниках, о каннибалах, которые едят даже собственных детей. Иногда Бася присаживалась к нам и слушала мою болтовню. Я хвастался, что уже освоил каббалу¹ и знаю такие тайные слова, с помощью которых можно добыть вино из стены, сотворить живых голубей, даже улететь на Мадагаскар. Я знаю такое имя Бога, которое содержит семьдесят две буквы, и если его произнести, небеса окрасятся в красный цвет, луна упадет на землю и Вселенная разлетится на куски.

Глаза Шоши наполнялись ужасом.

- Ареле, не произноси это слово никогда!
- Не бойся, Шошеле, я сделаю так, что ты будешь жить вечно.

¹ *Каббала* — мистическое учение в иудаизме.

Мне нравилось играть с Шошей. И не только играть. Нравилось разговаривать с ней о таком, о чем я не смел сказать никому другому. Я пересказывал ей все свои фантазии и выдумки. Признался, что пишу книгу. Я часто видел эту книгу во сне: она была написана мною и в то же время рукой какого-то древнего писца, шрифтом Раши¹, на пергаменте. Я воображал, что сделал это в прошлой жизни. Отец запрещал мне интересоваться каббалой. «Кто погружается в каббалу раньше тридцати лет, может впасть в ересь или сойти с ума», — предостерегал он. Меня, по-видимому, уже можно было считать еретиком или полусумасшедшим. У нас в шкафах стояли книги «Зогар», «Древо жизни», «Книга творения», «Гранатовый сад», много других каббалистических сочинений. Нашелся календарь, где содержались сведения о королях, государственных деятелях и ученых. Мать часто читала «Книгу завета» — антологию, содержащую научную информацию. Там я прочел

¹ *Раши* (Шломо Ицхаки; 1040–1105) — прославленный средневековый комментатор Талмуда.

про Архимеда, Коперника, Ньютона, а также узнал о философах: Аристотеле, Декарте, Лейбнице. Автор, реб Эля из Вильно, вел бурную полемику с теми, кто отрицал существование Бога, — и вот я познакомился с другой точкой зрения. Хотя мне запрещали читать эту книгу, я использовал любую возможность, чтобы заглянуть в нее. Однажды отец упомянул Спинозу — имя это следовало тут же забыть! — и его теорию, согласно которой Бог есть Вселенная и Вселенная есть Бог. Эти слова все перевернули в моем сознании. Если Вселенная — это Бог, значит я, мальчик Ареле, мой лапсердак, моя ермолка, мои рыжие волосы, мои ботинки — все это часть Бога? И Бася, и Шоша, и даже мои мысли?

В тот же день я прочитал Шоше большую лекцию по философии Спинозы, как будто изучил все его труды. Шоша слушала и одновременно раскладывала свою коллекцию пуговиц. Я был уверен, что она не уловила ни единого слова. Как вдруг она спросила: «А Лейбеле Бонч — он тоже Бог?»

Лейбеле Бонч — известный во дворе хулиган и вор. Играя с мальчишками в карты, он всегда жульничал. Лейбл знал тысячи способов поизмываться над тем, кто слабее его. Он мог подойти к маленькому и сказать: «Тут говорят, мой локоть воняет — ну-ка, будь любезен, понюхай». И когда малыш делал это, Лейбл бил его кулаком по носу. Мысль, что он тоже может быть частью Бога, охладила мой энтузиазм, и я немедленно развил перед Шошей такую теорию, что существуют два Бога —

добрый и злой — и Лейбл относится, конечно, к злому. Шоша охотно согласилась с моей концепцией философии Спинозы.

В Радзиминскую синагогу, где молился отец, каждый день приходил человек по имени Шике, торговец селедками. Прозвище ему было — Шике-философ. Маленький, худой, с пестрой бородкой, в которой были волосы всех цветов: рыжие, черные, седые. Он торговал маринованной и копченой селедкой, а жена и дочь солили огурцы. Шике приходил позже всех и торопливо молился уже после того, как все разойдутся. Вот он надевает талес и филактерии¹, а в следующую минуту — так мне, во всяком случае, казалось — он их уже снимает. Я не ходил в хедер — отец был не в состоянии платить за обучение. Кроме того, я мог прочесть страницу-другую из Гемары самостоятельно. Зато я часто ходил в Радзиминскую синагогу, чтобы поговорить с этим человеком, Шике-философом. Он немного разобрался в логике и рассказал мне про парадокс Зенона. От него же я узнал, что, хотя и думают, будто атом — наименьшая из частиц, с математической точки зрения он делим бесконечно. Он же объяснил мне значение слов «микрокосм» и «макркосм».

На следующий день все это я пересказал Шоше. Я объяснил ей, что каждый атом — это целый мир, с мириадами крошечных человечков, зверей и птиц.

¹ *Талес* — молитвенное покрывало, которое мужчины надевают на утреннюю и праздничные молитвы. *Филактерии* (тфилн) — две коробочки, хранящие фрагменты из Торы. Во время молитвы их прикрепляют ко лбу и к предплечью левой руки.

И там тоже есть евреи и неевреи. Люди строят дома, замки, башни, мосты, не подозревая, как они малы. Говорят они на разных языках. В капле воды может поместиться несколько таких миров.

— И они еще не утонули? — спросила Шоша.

Чтобы не усложнять объяснений, я ответил:

— Все они умеют плавать.

Дня не проходило без того, чтобы я не прибежал к Шоше с новой историей. То вдруг я придумывал такой напиток, что, если выпить его, станешь сильным, как Самсон. Я уже выпил, поэтому могу выгнать турок из Святой земли и стать царем евреев. То оказывалось, что я нашел шапку-невидимку. Когда вырасту, стану мудрым и сильным, как царь Соломон, а он понимал даже язык птиц. Рассказал я Шоше и о царице Савской: она пришла к царю Соломону, чтобы научиться у него мудрости, и привела с собой множество рабов, верблюдов, ослов, нагруженных дарами для израильского царя. Перед ее приходом Соломон приказал сделать во дворце пол из стекла. Царица вошла, приняла стекло за воду и приподняла юбку. Соломон сидел на золотом троне, он увидел ноги царицы и сказал ей: «Ты славишься своей красотой, но ноги твои волосаты, как ноги мужчины».

— Это правда? — спросила Шоша.

— Да, правда.

Шоша приподняла юбочку и посмотрела на свои ножки, а я сказал:

— Шоша, ты прекраснее царицы Савской.

И еще я сказал ей, что если бы я был помазан и восседал на Соломоновом троне, то взял бы ее в жены. Она была бы царицей и носила на голове корону из бриллиантов, изумрудов и сапфиров. Другие жены и наложницы склонялись бы перед ней до земли.

— И много жен у тебя тогда было бы? — спросила Шоша.

— Вместе с тобой — тысяча.

— А зачем тебе так много?

— У царя Соломона была тысяча жен. Об этом говорится в Песне Песней.

— А разве это разрешено?

— Царь может делать все, что хочет.

— Если бы у тебя была тысяча жен, не осталось бы времени для меня.

— Шошеле, для тебя у меня всегда найдется время. Ты сидела бы рядом со мной на троне, а ноги твои покоились на подножии из топазов. Когда придет Мессия, все евреи будут перенесены в Святую землю. Остальные народы станут рабами евреев. Дочь генерала будет мыть тебе ноги.

— Ой, это будет щекотно, — рассмеялась Шоша и показала ряд ровных белых зубов.

День, когда Зелиг и Бася переехали из дома № 10 в дом № 7 по Крохмальной улице, был для меня подобен дню Девятого ава¹. Случилось это неожиданно для меня. Перед тем я украл грош из кошелька

¹ *Девятое ава* — день траура и поста в память о разрушении первого и второго Иерусалимского храма. *Ав* — пятый месяц в еврейском календаре.

у матери и купил шоколадку для Шоши в цукерне¹ у Эстер. А днем позже пришли грузчики, растворили двери Басиных комнат, начали выносить диваны, шкафы, кровати, посуду, пасхальную утварь. Я даже не мог попрощаться. Я слишком вырос и уже не смел дружить с девочкой. Я изучал теперь не только Гемару, но и Тосефту². В это утро я читал с отцом сочинение рабби Ханины³, то и дело поглядывая в окно. Басины пожитки уже погрузили на телегу, запряженную парой кляч. Бася несла Тайбеле. Ипе и Шоша шли следом. Расстояние от дома № 10 до дома № 7 — всего два квартала, но я знал, что это конец. Одно дело — выбраться из своей квартиры, пробежать через сени и постучаться в дверь к Шоше, и совсем другое — прийти в чужой дом. Члены общины, что платили жалкие гроши моему отцу, были весьма наблюдательны и всегда готовы отыскать хоть какие-нибудь признаки дурного поведения его детей.

Шло лето четырнадцатого года. Через месяц сербский террорист застрелил кронпринца и его жену. Вскоре царь объявил тотальную мобилизацию. Я разглядывал людей, которые по субботам приходили к нам молиться. У них на лацканах были блестящие крупные пуговицы. Это означало, что их призвали в армию и они должны идти воевать против немцев, австрийцев и итальянцев. В винную лавку

¹ *Цукерня* — кондитерская.

² *Тосефта* — сборник учений, содержащий развернутые пояснения к Мишне.

³ *Ханина бен Доса* — еврейский ученый I века.

к Элизеру пришел городской и вылил всю водку в сточную канаву: ведь время военное — все должны быть трезвые. Лавочники отказывались брать бумажные деньги: требовали только золотые или серебряные монеты. Двери лавок были лишь приоткрыты, и только тех, у кого были такие монеты, пускали внутрь.

Очень скоро мы начали голодать. За время между убийством в Сараеве и началом войны многие хозяйки запасли муку, рис, горох и овсянку, но моя мать была занята чтением благочестивых книг. Евреи с нашей улицы перестали платить отцу. Так не стало у нас и денег. Не было больше свадеб, разводов на нашем дворе. У булочных стояли длинные очереди за хлебом. Мясо вздорожало. На «Дворе Яноша» резники стояли без дела¹, с ножами в руках, высматривая женщину с курицей, уткой или гусем. Цена на домашнюю птицу росла день ото дня. Даже селедку мы не могли покупать. Многие хозяйки стали использовать масло какао. Оно пахло керосином. После праздника Кущей² начались дожди, снег, морозы, но у нас не было даже угля, чтобы растопить печь. Брат Мойше перестал ходить в хедер — у него порвались ботинки, и отец стал заниматься с ним сам. Проходили недели, а мяса у нас совсем не было, даже в субботу. Мы пили жидкий

¹ В еврейской общине резник производит убой скота и птицы по особым правилам.

² Праздник Кущей (Суккот) — осенний праздник в память об исходе евреев из Египта. Праздник продолжается семь дней. В это время нужно выходить из дома и проводить время в шалаше, сукке.

чай без сахара. Из газет стало известно, что австрийцы заняли много городов и местечек на территории Польши, — среди них были и те, где жили наши родные. Великий князь Николай Николаевич, командующий армией, дядя царя, заявил, что всех евреев надо выселить за линию фронта: их подозревали в шпионаже в пользу немцев. Еврейские кварталы Варшавы запрудили толпы беженцев. Они спали в молельнях, даже в синагогах. Прошло еще немного времени, гул артиллерии стал слышен и у нас. Немцы начали наступление на реке Бзуре — русские пошли в контратаку. Наши оконные стекла тряслись день и ночь.

Мы покинули Варшаву летом семнадцатого года. Наша семья переселилась в деревню, занятую австрийскими войсками. Здесь жизнь была дешевле. Кроме того, в этой части Польши жили наши родные со стороны матери. А Варшава, казалось, была разрушена до основания. Война продолжалась уже три года. Оставляя Варшаву, русские взорвали Пражский мост. Теперь немцы хозяйничали в Польше. Они несли потери на Западном фронте. Население голодало. Мы никогда не ели досыта. Перед отъездом Мойше заболел, и его взяли в инфекционную больницу на Покорной улице. Нас с матерью забрали на дезинфекционный пункт на улице Счастливой, возле еврейского кладбища. Мне сбрили пейсы и давали суп со свининой. Для меня, сына раввина, это было истинным бедствием. Санитарка приказала раздеться догола и посадила в ванну. Когда она дотронулась до меня, стало щекотно и захотелось сразу и плакать, и смеяться. Казалось, я попал в руки Лилит¹, посланной мужем своим Асмодеем², что-

¹ *Лилит* — демоница, упоминается в Талмуде.

² *Асмодей* — злой демон.

Зингер И. Б.

З 63 Шоша : роман / Исаак Башевис Зингер ; пер. с англ. Н. Брумберг. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2024. — 416 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-26749-7

Польша, Варшава, 1930-е годы. Воздух пронизан тревожными предчувствиями мировой катастрофы. Аарон Грейдингер — молодой писатель, сын раввина, ведущий богемный образ жизни. Запутавшись в любовных связях и творческих неудачах, он пытается написать мистическую пьесу и вместе с остальными варшавскими евреями ждет неминуемого конца света. Одним весенним днем, гуляя по нищим еврейским кварталам своего детства, он решает заглянуть в дом, где жила его первая возлюбленная, которую он не видел целых двадцать лет. Оказалось, что Шоша ждала его все эти годы и, словно по волшебству, сохранила прежний облик простодушной девочки...

Роман «Шоша» — самое известное произведение Исаака Башевиса Зингера (1902—1991), удивительная история любви и яркое свидетельство жизни довоенной Варшавы, стертой фашистами с лица земли. После публикации английской версии романа в 1978 году И. Б. Зингеру была присвоена Нобелевская премия за «эмоциональное искусство повествования». Первоначально текст выходил на идиш под названием «Экспедиции души», однако в процессе перевода на английский был значительно изменен и переработан автором, который в дальнейшем настаивал, чтобы именно по английской версии совершались переводы на другие языки. В настоящем издании роман «Шоша» представлен в классическом переводе с английского Нины Брумберг.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

ИСААК БАШЕВИС ЗИНГЕР

ШОША

Редактор Кирилл Красник

Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.

Технический редактор Валентина Дик

Компьютерная верстка Михаила Львова

Корректоры Анна Быстрова, Маргарита Ахметова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 10.09.2024.

Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.

Усл. печ. л. 25,48. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®; 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-BRM-35747-01-R